

Л. В. Озолина

О НЕКОТОРЫХ СТРАТЕГИЯХ ВЫРАЖЕНИЯ АТРИБУТИВНОСТИ В ОРОКСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются варианты стратегий выражения атрибутивных отношений в языках различной типологии как способы реализации национального коммуникативного поведения и отражение семантико-синтаксических особенностей тунгусо-маньчжурских языков. В тунгусо-маньчжурских языках, где класс имен прилагательных достаточно скуден, атрибутивная семантика реализуется морфосинтаксическими средствами: собственно атрибутивными, посессивными конструкциями и конструкциями обладания. Для выражения отрицательных атрибутивных значений в тунгусо-маньчжурских языках используются конструкции необладания, оформляющие прилагательные обладания отрицательной частицей *ана*, семантически эквивалентным русским отрицательным прилагательным с приставками *не-* и *без-*.

Структура атрибутивной конструкции традиционно оформляется минимально двумя компонентами: определением (именем прилагательным как основным средством выражения атрибутивной семантики) и определяемым (именем номинативной семантики, диктующим, например, в русском языке категориальные характеристики определения-прилагательного: число, падеж и род). Ср., например: *рус. про солдатск=ую наград=у или по старой железн=ой дорог=е*.

В посессивных конструкциях (имя существительное + имя существительное в притяжательной форме) отношения реализуются на уровне порядка слов: первый компонент посессор – имя существительное, второй субстантивно выраженный компонент – определяемое, связь между ними осуществляется через посессивные суффиксы, отражающие лицо-число посессора. В тунгусо-маньчжурских языках представлены посессивные конструкции нескольких типов: субстантивные и прономинальные, дифференцируемые на основе грамматической принадлежности посессора (собственно существительное или местоимение-существительное).

Конструкции обладания оформляются именами прилагательными обладания и представлены в тунгусо-маньчжурских языках однокомпонентными, но семантически сложными, реализующими семантику словосочетания ('обладающий тем, что названо именной основой: имеющий нечто, названное основой' – именем существительным), и двухкомпонентными: первый компонент – имя существительное, называющее признак по количеству или качеству, достаточно регулярно в форме инструменталиса (допустима форма, лишенная показателей падежа) и прилагательное обладания. Прилагательные этого разряда заполняют исключительно постпозицию относительно определяемого предмета. Квалификация конструкций обладания, выражающих атрибутивные отношения, регламентируется семантическими критериями: как эквиваленты русских согласованных определений выступают компоненты, характеризующие неотчуждаемые признаки субъекта – лица или иного живого существа (*аси=лу* 'женой обладающий = женатый', *геда=ди пунтэ=лу* 'одним ребенком не обладающий = бездетный'). При обозначении отчуждаемых признаков семантика прилагательного обладания эквивалентна несогласованным определениям русского языка (*нари куче=лу* 'человек, ножом обладающий = человек с ножом').

Ключевые слова: атрибутивность, посессивность, посессивная конструкция, грамматический статус посессора, конструкции обладания – необладания

В большинстве языков стратегии выражения атрибутивной семантики при наличии грамматического класса имени прилагательного сходны и реализуются через минимально двучленные синтаксические конструкции, квалифицируемые как атрибутивные (определятельные) словосочетания, выражающие отношения между признаком и его носителем различными средствами: семантико-синтаксическими или формально-синтаксическими (категориальными возможностями или порядковыми позициями). Порядок следования определения и определяемого дифференцирует собственно атрибутивные и предикативно-атрибутивные конструкции.

В тунгусо-маньчжурских языках для выражения атрибутивных отношений используются несколько стратегий: атрибутивные конструкции, посессивные конструкции и конструкции обладания. Посессивные конструкции и конструкции обладания не имеют структурных аналогов в русском языке, представлены семантическими эквивалентами.

Структура атрибутивной конструкции

Структура атрибутивной конструкции традиционно оформляется минимально двумя компонентами: определением (именем прилагательным как основным средством выражения атрибутивной семантики) и определяемым (именем номинативной семантики, диктующим, например в русском языке, категориальные характеристики определения-прилагательного (число, падеж и род). Ср., например: рус. к стар=ому дом=у или по стар=ой дорог=е. Собственно грамматическое значение словосочетания сводится к отношению между семантикой главного и зависимого, допускающими формальные изменения, которые в тунгусо-маньчжурских языках носят факультативный характер (согласование в числе, в некоторых языках – падеже). Ср., например, орок. *орки нари* ‘плохой (злой, недобрый) человек’; *д̄аи=л дуку=л* ‘большие дома’; *сагди ула=сал* ‘старые олени (букв.: старый олени)’.

В тунгусо-маньчжурских языках слова грамматического класса имени прилагательного, обозначающие признак, качество, свойство или принадлежность, в отличие от русского, весьма немногочисленны: они представлены словами оценочной семантики: орок. *сагди* ‘старый’, *нурэ ~ нурэуэ* ‘молодой’, *аја, улинга ~ унинга* ‘хороший’, *орки* ‘плохой’ и т. д., на основе которых развиваются далее все вытекающие из обобщенного признака значения типа *хороший* = *здоровый, правильный, качественный* и пр. (причем, в отличие от русского языка, отрицательные прилагательные отсутствуют, отрицательная семантика формируется исключительно на уровне предиката: орок. *сагди э=вури биэ* ‘быть не старым’, *эну=ллэ ана би=ури* ‘стать не больным’), словами цветообозначения (*тагда* ‘белый’, *сэгдэ* ‘красный’, *согдо* или *ногдо* ‘желтый, зеленый, голубой’ и т. п.), словами, называющими признак по материалу (*сэлэ=мэ* ‘железный, из железа’, *мо=ма* ‘деревянный, из дерева’), а также словами, указывающими на порядок следования (*гед=де* ‘первый’, *тун=де* ‘пятый’, *тангу илан=де* ‘сто третий’ и т. п.).

Например:

- (1) *Гедара баја анни доббе нэвтэkki нимэрихэни* [2, тетр. 4, с. 6].

гедара баја анни доббе нэв=тэк=ки
однажды богатый брат бедный младший брат=Lat-Dat=PossRefISg
нимэри=хэ=ни
=Past=3Sg

‘Однажды богатый брат пришел в гости к своему бедному (нищему) младшему брату’.

- (2) *Налма сагди этчин биэ, ананинуни хори тунда* [3, с. 135].

Налма сагди э=тчи=н биэ ананину=ни хори тунда
Налма старый быть=AUX: Neg=Past=3Sg возраст=Poss3Sg двадцать пять
‘Налма был не стар – его лета двадцать пять’.

Чаще при необходимости обозначения атрибутивной характеристики предмета в тунгусо-маньчжурских языках используется категория *посессивности*, или притяжания, реализующая атрибутивную семантику через посессивную конструкцию как разновидность атрибутивной, что объясняется малочисленностью относительных прилагательных в орокском и других тунгусо-маньчжурских языках. Как отмечала Т. И. Петрова, «с помощью системы притяжания выражаются отношения между предметами» не только по их принадлежности, «предмета обладания к обладателю, но также... и опредмеченного свойства к его носителю и т. д.» [3, с. 36]. Например: орок. *ула покто=ни* ‘оленья тропа (букв.: олень тропа=его)’, *сундатта пачикке=ни* ‘рыбий плавник (букв.: рыба плавник=ее)’, *гилэ угда=ни* ‘нивхская лодка’ и т. п.

Посессивная конструкция

Посессивная конструкция выступает в тунгусо-маньчжурских языках как подвид атрибутивной [1, с. 502], представляя собой в большей мере семантико-синтаксическую структуру, основанную для выражения определенного смысла на жестком порядке следования компонентов и наличии категории притяжания, т. е. при изменении порядка меняется не только синтаксическая функция членов конструкции, но в первую очередь ее семантическая составляющая: определение становится часто семантически несостоятельным атрибутивным предикатом в лишенной смысла конструкции. Например, рус. *стариков дом* и *дом старика* допустимо, но орок. *мапа дуку=ни* ‘стариков дом, дом старика’ и *дуку мапа=ни* ‘дом старик=его, домов старик’ бессмысленно.

Посессивные конструкции, репрезентирующие в тунгусо-маньчжурских языках атрибутивные отношения, могут быть двух-, трех- и n-компонентными, реализуя так называемое цепное, или последовательное, притяжание, в основе которого лежит классическая двучленная структура, т. е. внутри многокомпонентной конструкции члены взаимодействуют попарно.

Например:

- (3) *Мапа мамануби нэвни дукутајни нэнэхэни* [2, тетр. 4, с. 12].

мапа мама=ну=би нэв=ни дуку=тай=ни
старик жена=PossInd=PossRef1Sg брат=Poss3Sg дом=Lat-Dat=Poss3Sg
нэнэ=хэ=ни
отправиться=Past=3Sg

‘Старик в дом младшего брата своей жены отправился (букв: старик жена=своя младший брат=ее в дом=его = жениного младшего брата дом)’.

- (4) *Би агби кучиүни нэсимбэни иргалами андуччимби* [3, с. 56].

би аг=би кучиүэ=ни нэсим=бэ=ни иргала=ми
я брат=Poss1Sg нож=Poss3Sg рукоятка=Acc=Poss3Sg узор=PossRef1Sg
анду=чим=би.
сделать=Past=1Sg

‘Рукоятку ножа моего старшего брата я узором украсил (букв.: старший брат-мой нож-его рукоятку-его со своим узором сделал)’.

В двухкомпонентных атрибутивных посессивных конструкциях отношения реализуются на уровне порядка слов: первый компонент посессор – имя существительное, второй субстантивно выраженный компонент – определяемое, связь между ними осуществляется через посессивные суффиксы, отражающие лицо-число посессора. В тунгусо-маньчжурских языках представлены посессивные конструкции нескольких типов: субстантивные и прономинальные, дифференцируемые на основе грамматической принадлежности посессора [4, с. 150].

В субстантивных конструкциях в функции посессора выступает имя существительное в форме именительного падежа (общей, беспадежной, нулевой и т. п.) единственного или множественного числа, определяемое – субстантивное имя – допускает форму любого падежа и числа в лично-притяжательной форме, оформляемой посессивным суффиксом 3-го лица единственного или множественного числа. Отметим, что падеж понимается как грамматическая форма, реализующая свои семантико-структурные особенности исключительно в процессе *функционирования*, т. е. форма, противопоставляемая остальным в парадигме нулевыми грамматическими показателями, квалифицируется как именительный падеж, тогда как беспадежная, общая или нулевая форма слова [1, с. 492] – это единицы, используемые преимущественно в лексикографической практике, вне функционального поля.

Например:

- (5) *Бу ујилта нурилни боло, тува хай-да хупинди хуппокину* [3, с. 150].

бу ујилта нури=л=ни боло тува хай=да хупи=ди
мы орок ребенок=Pl=Poss3S осенью зимой разный игра=Instr
хуппо=ки=пу
играть=Past=1Pl
'Мы, орокские ребята, осенью, зимой в разные игры играли (букв.: орок (ујилта) ребята=его)'.
'

В прономинальных конструкциях позицию посессора заполняет личное местоимение-существительное 1, 2, 3-го лица единственного или множественного числа, что допускает оформление определяемого имени посессивными суффиксами также 1, 2, 3-го лица единственного или множественного числа.

Например:

- (6) *Хайбудде си би ниндатајви синдауаси=ју?* [2, тетр. 4, с. 10].

хайбудде си би нинда=тај=ви синдауаси ју
зачем ты я собака=Lat-Dat=Poss1Sg подойти=Past=2Sg то=PRTCL
'Ты зачем к моей собаке подошел=то? (букв.: я собака=моя)'.
'

- (7) *Су гасандучу ситэв осколба андуччичи* [2, тетр. 4, с. 22].

су гасан=ду=чу ситэв оскол=ба анду=ччи=чи
вы село=LocI=Poss2Pl новый школа=Acc построить=Past=3Pl
'В вашем селе новую школу построили (букв.: вы село=ваше)'.
'

Отличительной особенностью посессивных прономинальных конструкций, реализующих атрибутивные отношения по принадлежности, является достаточно регулярная элиминация посессора, который отражается посессивными показателями определяемого. Фактически в двухкомпонентных прономинальных конструкциях посессор может быть как эксплицитно выраженным, так и не выраженным, имплицитным репрезентирующими его притяжательными суффиксами.

Например:

- (8) *Би арумбаси дапахамби* [3, с. 63].

би арум=ба=си дапа=хам=би
я шапка=Acc=Poss2Sg взять=Past=1Sg
'Я твою шапку взял (букв.: би <си> арумба=си 'я ты шапку=твою)'.
'

- (9) *Мапа гедда бојомбо удихэни, бојоңуни тунда ананиңулу* [3, с.140].

мапа гедда бојо=мбо уди=хэ=ни бојо=ңу=ни
старик один медведь=Acc воспитывать=Past=3Sg медведь=PossInd=Poss3Sg
тунда анани=ңу=лу
пять возраст=имеющий
'Старик одного медведя воспитывал, медведь его был пяти лет (букв.: мапа бојоңу=ни 'старик медведь=его)'.
'

В возвратно-посессивных прономинальных конструкциях в функции посессора выступает возвратно-притяжательное местоимение=прилагательное орок. *мэнэ* 'свой, свои', допускающее

регулярную элиминацию, определяемое оформляется возвратно-притяжательными суффиксами, дифференцируемыми только в отношении числа (единственное или множественное число определяется количеством субъектов действия).

Например:

- (10) *Мапа-ја мама-ја нурилбэри горо халачиуачи* [2, тетр. 4, с. 22].
мапа=ја мама=ја нурил=бэ=ри горо халачи=уа=чи
 старик старуха дети=Acc=ReflPossPl долго ждать=Past=3Pl
 ‘Старики **своих** детей долго ждали (букв.: старик и старуха)’.

Наличие категории посессивности в тунгусо-маньчжурских языках позволяет вполне успешно реализовывать атрибутивные отношения через использование посессивных конструкций, компенсируя почти полное отсутствие класса относительных прилагательных.

Конструкция обладания – необладания

В тунгусо-маньчжурских языках для выражения атрибутивных отношений используются также так называемые формы обладания, не имеющие аналогов в русском языке, достаточно часто заполняя позицию согласованного или несогласованного определения. Единого взгляда на эти имена прилагательные в тунгусо-маньчжуроведении до настоящего времени нет: их рассматривали и как «часть падежной системы – падежи именного управления» [5, с. 132; 6, с. 193], и как «категорию имени существительного, стоящую на грани слово- и формообразования» [7, с. 136] и т. п. К одному из разрядов прилагательных формы обладания на материале нанайского языка впервые были отнесены Т. И. Петровой [8, с. 40–41], аналогичные формы на материале эвенкийского языка – А. В. Романовой и А. Н. Мыреевой [9, с. 34].

Прилагательные обладания заполняют исключительно постпозицию относительно определяемого субъекта. Использование конструкций обладания для выражения атрибутивных или атрибутивно-предикативных отношений регламентируется семантическими критериями: эти отношения оформляют компоненты, характеризующие неотчуждаемые признаки субъекта, в роли которого может выступать лицо или иное живое существо (категория одушевленности в тунгусо-маньчжурских языках отсутствует, дифференциация осуществляется по признаку «лицо – не-лицо»). Конструкции обладания представлены структурно однокомпонентными, но семантически сложными, реализующими семантику словосочетания, и структурно двухкомпонентными: первый компонент, называющий признак по количеству, качеству, цвету и т.п., обычно используется в форме творительного падежа, допустима форма, лишенная показателей падежа.

Например:

- (11) *Мапаңуни сагди этчи-н(и) биэ, иландо ананинулу.* [10, тетр. 6, с. 23].
мапа=ңу=ни сагди э=тчи=ни биэ илан=до анани-ну-лу.
 муж=Poss/3Sg старый быть=Neg=Past/3Sg тридцать имеющий лет.
 ‘Ее муж был не стар, ему тридцать лет (букв.: старым не был, тридцать лет имеющий=**тридцатилетний**)’.
- (12) *Си уласи дуди хујэлу оччини-тани* [2, тетр. 4, с. 31].
си ула=си ду(ди) хэјэ=лу о=ччи=ни тани
 ты олень=Poss2Sg два=Instr рога=имеющий стать=Past=3Sg уже=PRTC1
 ‘У твоего оленя уже два рога выросли уже (букв.: твой олень двумя рогами обладающий стал = **двурогий**)’.

- (13) *Тари амба сэлэди хэрэктэлу, си номбони хайди-дда энэси вара* [2, тетр. 4, с.31].

тари амба *сэлэ=ди* *хэрэктэ=лу* *си* *но=мбо=ни*
 тот черт железо=Instr кожу имеющий ты он=Acc=3Sg
хай=ди=дда *э=нэ=си вара.*
 что-то=Instr AUX: Neg=Fut=2Sg.

‘У того черта кожа железная, ты его ничем не убьешь (букв.: из железа кожу имеющий=с железной кожей)’.

При заполнении позиции объекта действия отчуждаемыми субстантивами «неживой», «неодушевленной» семантики конструкции обладания реализуют функцию постпозитивного несогласованного определения, эквивалентную русским определениям ‘с кем-, чем-либо’.

Например:

- (14) *Мапа мевчалу, тагдади ниндалу* синдахани [2, тетр.4, с. 35].

мапа *мевча=лу* *тагда=ди* *нинда=лу* *синда=ха=ни*
 старик ружьем обладающий с белизной собакой обладающий прийти=Past=3Sg
 ‘Старик пришел с ружьем и белой собакой’.

Для выражения отрицательных атрибутивных значений в тунгусо-маньчжурских языках используются конструкции необладания, оформляющие прилагательные обладания постфиксальной частицей *-ана*, семантически эквивалентной русским приставкам *не-* и *без-*.

Например:

- (15) *Чоччи тари нари нујэлэ ана оччини, дин улинга очини* [10, тетр.6, с. 25].

чоччи *тари* *нари* *нујэ=лэ ана* *о=ччи=ни*
 потом тот человек раны не имеющий стать=Past=3Sg
дин улинга *о=ччи=ни.*
 очень красивым стать=Past=3Sg.

‘Потом тот человек стал здоровым, очень красивым стал, что ли’.

- (16) *Эр хотонду гедда мапа мамандо нуттэлэ ана биччини* [10, тетр.6, с. 26].

эр *хотон=ду* *гедда* *мапа* *мама=ндо*
 этот селение=Loc один старик старуха=Com/Poss3Sg
нуттэ=лэ ана *би=ччи=ни.*
 ребенка не имеющий жить=Past=3 Sg.

‘В этом селении один старик, не имеющий детей, со своей старухой жил (букв.: *без-детный* старик со своей старухой).’

В заключение подчеркнем, что как всякая семантико-синтаксическая структура для выражения атрибутивных отношений посессивная конструкция, а также конструкция обладания в тунгусо-маньчжурских языках выступают «как часть реализации национального коммуникативного поведения, так как способы... номинации обладают определенными этнокультурными чертами в силу отражения собственных имманентных предпочтений в плане логики, семантики и стратегии достижения целей коммуникации» [11, с. 51] и, вероятно, именно поэтому не находят полных соответствий в русском языке.

Условные обозначения:

AUX: Neg – аналитическая отрицательная форма глагола; **ACC** – аккузатив (винительный падеж); **INSTR** – инструменталис (творительный падеж); **Fut** – будущее время; **Lat-Dat** –

латив-датов (направительно-дательный падеж); **Pl** – множественное число, **Past** – прошедшее время, **Pres** – настоящее время, **Poss** – лично-притяжательный аффикс имени; **PossInd** – косвенная принадлежность; **PossRefl** – возвратно-притяжательный суффикс имени; **PRTSL** – частица; **Sg** – ед. число: [=] – морфемный шов.

Список источников:

1. Болдырев Б.В. Эвенкийско-русский словарь: в 2 ч. Новосибирск, 2000. Ч. 1. 504 с.; Ч. 2. 484 с.
2. Архив Новиковой. Новикова К. А. Полевые записи, сделанные во время экспедиций на о. Сахалин в 1949–1950 гг., в 5 тетрадях, хранящиеся в Институте филологии Сибирского отделения РАН. г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.
3. Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Л., 1967. 156 с.
4. Озолина Л. В. Притяжательные конструкции в орокском языке // Сибирский филологический журнал. 2007. № 3. С. 149–157.
5. Улитин А. Н. Материалы по Гольдскому (нанайскому) языку // Язык и мышление. 1933. № 1. С. 119–147.
6. Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. М. – Л., 1959. Т. I. 282 с.
7. Цинциус В. И. Очерк морфологии орокского языка // Уч. зап. ЛГУ. 1949. № 8. Серия: Востоков. науки. Вып. 1. С. 119–158.
8. Петрова Т. И. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1941. 168 с.
9. Романова А. В., Мыреева А. Н. Очерки учурского майского и тоттинского говоров. Л., 1964. 170 с.
10. Архив Озолиной. Озолина Л. В. Полевые записи, сделанные во время экспедиций на о. Сахалин в 1989–2000 гг. в 7 тетрадях, хранящиеся в Институте филологии Сибирского отделения РАН. г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.
11. Седых А. П. Пропозиция, модус, диктум в национальных языках [Proposition, modus, dictum in national languages] // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. № 15. С. 51–56. URL: <https://cyberltninka.article.pr> (дата обращения: 10.03.2024).

Озолина Лариса Викторовна.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.

E-mail: larisa-3302803@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 25 марта 2024 г.

L. V. Ozolinya

ON SOME STRATEGIES FOR EXPRESSING ATTRIBUTION IN THE OROK LANGUAGE

The article examines strategies for expressing attributive relations in languages of different typologies to implement national communicative behavior and reflect the semantic-syntactic features of Tungus-Manchu languages. In the Tungus-Manchu languages, where the class of adjectives is quite sparse, attributive semantics is realized by morphosyntactic means: proper attributives, possessive constructions, and possession constructions. In the Tungus-Manchu languages, non-possession constructions are used to express negative attributive meanings, forming possessive adjectives with the negative particle -ana, which semantically correspond to the Russian negative adjectives with the prefixes не- and без-.

The structure of an attributive construction traditionally consists of at least two components: a definition (an adjective as the main means of expressing attributive semantics) and a definitum (a name of nominative semantics, which in Russian, for example, indicates the categorial characteristics of a defining adjective: number, case, and gender). Neutral, for example Russian 'про солдатск=ую наград=у' or 'по старой железн=ой дорог=е'. In possessive constructions (noun + noun in possessive form), the relationships are realized at the level of word order: the first component – possessor – is a noun, the second substantively expressed component is definite, the connection between them is established by possessive suffixes that reflect the personal number of the possessor. In the Tungus-Manchu languages, there are different types of possessive constructions, substantival and pronominal, which differ in the grammatical affiliation of the possessor (the noun itself or a pronoun-noun). Possessive constructions are formalized by possessive adjectives and are represented in the Tungus-Manchu languages as one-component but semantically complex constructions that realize the semantics of the phrase ('to possess some-

thing denoted as a nominal base: to have something denoted as a base' – a noun) and as two-component constructions: The first component is a noun denoting a characteristic feature by quantity or quality, quite regularly in the instrumentalis form (a form without case indicators is acceptable) and a possessive adjective. Adjectives in this category exclusively fill a postposition in relation to the defined object.

Semantic criteria regulate the qualification of possessive constructions expressing attributive relationships: As equivalents of the definitions agreed upon in Russian, some components characterize the inalienable properties of a subject – a person or another living being (аси=лу 'женой обладающий = женатый', геда=ди путтэ=лу 'одним ребенком не обладающий = бездетный'). When denoting alienable properties, the semantics of the adjective possession corresponds to the inconsistent definitions of the Russian language (нари куче=лу 'человек, ножом обладающий = человек с ножом').

Keywords: *attribution, possessiveness, possessive construction, grammatical status of the possessor, constructions of possession and non-possession*

References:

1. Boldyrev B. V. *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. Novosibirsk: SB SAR Publ., 2000 (in Russian).
2. *Arhiv Novikovoy*. Novikova K. A. Polevye zapisi, sdelaynye vo vremya ekspeditsiy na o. Sahalin v 1949–1950 gg., v 5 tetradyakh, khranyashchiesya v Institute filologii Sibirskogo otdeleniya RAN. g. Novosibirsk, ul. Nikolaeva, 8 [Novikova archive. Novikova K. A. Field notes made during expeditions to the island. Sakhalin in 1949–1950, in 5 notebooks, stored at the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk, st. Nikolaeva, 8] (in Russian).
3. Petrova T. I. *Yazyk orokov (ul'ta)* [Orok language (ulta)]. Leningrad: Nauka Publ., 1967. 156 p. (in Russian).
4. Ozolina L. V. Prityazhatel'nye konstrukcii v orokskom yazyke [Possessive constructions in the Orok language]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Philological Journal*, no. 3, 2007, pp. 149–157 (in Russian).
5. Ulitin A. N. Materialy po Gol'dskom (nanayskomu) yazyku [Materials on the Gold (Nanai) language]. *Yazyk i myshlenie – Language and thinking*, 1933, no. 1, pp. 119–147 (in Russian).
6. Avrorin V. A. *Grammatika nanayskogo yazyka* [Grammar of the Nanai language]. Moscow – Leningrad: RAS Publ., 1959, vol. 1, 282 p. (in Russian).
7. Cincius V. I. *Ocherk morfologii orochskogo yazyka* [Essay on the morphology of the Oroch language]. *Uchenye zapiski LGU – Scientific Notes of LSU*, 1949, no. 8. Seriya vostokov. Nauk, vyp. 1, pp. 119–158 (in Russian).
8. Petrova T. I. *Ocherk grammatiki nanayskogo yazyka* [Essay on the grammar of the Nanai language]. Leningrad: Uchpedgiz Publ., 1941, 168 p. (in Russian).
9. Romanova A. V., Myreeva A. N. *Ocherki uchurskogo mayskogo i tottinskogo govorov* [Essays on the Uchur May and Tottin dialects]. Leningrad: Nauka Publ., 1964, 170 p. (in Russian).
10. *Arkhiv Ozolini*. Ozolina L. V. Polevye zapisi, sdelaynye vo vremya ekspeditsiy na o. Sahalin v 1989–2000 gg., v 7 tetradyakh, hranyashchiesya v Institute filologii Sibirskogo otdeleniya RAN. g. Novosibirsk, ul. Nikolaeva, 8 [Ozolini archive. Ozolina L. V. Field notes made during expeditions to the island. Sakhalin in 1989–2000 in 7 notebooks, stored at the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk, st. Nikolaeva, 8] (in Russian).
11. Sedykh A. P. Propozitsiya, modus, diktum v nacional'nykh yazykakh [Proposition, modus, dictum in national languages]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Scientific Bulletin of Belgorod State University. Humanities*, 2008, no. 15, pp. 51–56 (in Russian).

Larisa V. Ozolina.

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: larisa-3302803@rambler.ru